

A cinematic photograph of a man standing with his back to the camera on a narrow, foggy street. The street is lined with old, multi-story wooden houses that appear weathered and somewhat dilapidated. The ground is covered in fallen autumn leaves, and the air is thick with mist or fog, obscuring the houses in the distance. Bare trees with some remaining orange and yellow leaves are visible on the right side of the frame. The overall mood is somber and mysterious.

Они Спят

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин

Они Спят

<https://litres.ru/74252322>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о том, как долго может длиться одиночество в четырёх стенах, о слепоте системы и соседей, и о том, что иногда безумие оказывается единственно работающей защитой от мира, который не желает тебя замечать...

Содержание

I. Вызов	4
II. Дверь	7
III. Архив	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Терентий Залепукин

Они Спят

I. Вызов

Диспетчер сказал только: «Труповозка нужна, но сперва вы — там живая есть, и с ней что-то не то», — и по тому, как он это сказал, коротко, без обычного балагурства, с каким он обычно спускал вызовы на нашу бригаду, я понял, что «не то» будет не рядовым «не то», а таким, о котором потом рассказывают на пересменке, понизив голос, хотя все и так уже слышали.

Стоял август две тысячи какого-то года — не важно, какого именно, потому что для истории, которую я собираюсь рассказать, важен не год, а температура: то нечастое в наших широтах лето, когда асфальт во дворах плавится под подошвой, а к полудню город начинает пахнуть раскалённым металлом и мусорными баками одновременно. Я упоминаю жару не для антуража. Жара — единственный по-настоящему объективный свидетель того, что случилось в той квартире, потому что жара, в отличие от людей, ничего не скрывает и ничего не боится сказать вслух.

Ехали мы долго — минут сорок через весь город, — и за эти сорок минут фельдшер Люда, работавшая со мной уже

шестой год и повидавшая, казалось, всё, что способна предложить эта профессия, дважды спрашивала меня, что, собственно, диспетчер имел в виду под «с ней что-то не то». Я не знал, что ответить, и в конце концов сказал честно: «Понятия не имею, приедем — увидим», — фраза, которую я произносил за свою карьеру, наверное, тысячу раз, но именно в тот день, помню, она прозвучала как-то особенно неубедительно, будто я сам не верил в собственное спокойствие.

Мы приехали к пятиэтажке сталинской застройки — из тех, что в любом райцентре стоят десятками, неотличимые друг от друга, с одинаковыми лестничными клетками, где пахнет мышами, кошачьей мочой и чужими обедами. Обычно этот запах — весь ассортимент, который может предложить такой подъезд. В тот день, ещё на первом этаже, к нему примешивалось что-то ещё — сладковатое, плотное, никак не связанное с человеческим жильём, — запах, знакомый мне, увы, слишком хорошо по прежним вызовам, но никогда прежде не встречавшийся мне в такой концентрации, что хотелось не то зажать нос рукой, не то развернуться и уйти обратно на улицу, к нормальному, честному смраду раскалённого асфальта.

У подъезда толпились соседи — человек шесть, в основном пожилые женщины в застиранных халатах, — и толпились они с тем особым, жадным до подробностей молчанием, какое возникает вокруг мест, где случилось что-то по-настоящему скверное. Одна из них, завидев наши синие куртки,

шагнула вперёд и сказала громким шёпотом, обращаясь не столько к нам, сколько к остальным соседкам: «А я говорила, я ещё в июне говорила, что запах не спроста, а мне — да брось, Валентиновна, свалка это, свалка так пахнет».

— Второй месяц лежали, — сказал следователь, встретивший нас у двери с чёрной картонной папкой под мышкой — тонкой, но, судя по тому, как он её держал, значительно потяжелевшей с утра. — Соседи только сейчас спохватились. Врать не буду, я сам удивляюсь, как они так долго терпели.

Тела к нашему приезду уже увезли — судмедэксперты работали здесь с ночи, — но вонь стояла такая, что чувствовалась даже на улице, хотя окна квартиры, как выяснилось позже, выходили во двор, а мы стояли с фасада. Запах смерти умеет находить щели там, где, казалось бы, щелей быть не должно, — маленькая, но по-своему поучительная деталь, если вдуматься в неё чуть дольше, чем хочется.

— Зачем мы, если тела уже забрали? — спросил я, хотя диспетчер уже намекнул на ответ.

— Там дочь их. Живая. — Следователь произнёс это слово, «дочь», с той же интонацией, с какой произносят слово, в достоверности которого сами сомневаются. — Хотя, если начистоту, я не уверен, что это подходящее слово. Сами увидите.

II. Дверь

Дверь — обшарпанная, обитая потрескавшимся дерматином, из тех, что не меняли, кажется, с олимпиады восьмидесятого года, — открылась сразу, без вопросов «кто там», без глазка, без цепочки, хотя цепочка на двери имелась и, судя по вмятине в косяке, использовалась исправно на протяжении многих лет.

Женщина, впустившая нас, была одета в застиранный, некогда цветастый халат, а глаза её закрывала повязка — плотная, тёмная, завязанная сзади на голове аккуратным, явно не впервые сделанным узлом. Свет в прихожей горел, но она двигалась в нём так, как двигаются в темноте: вытянув одну руку вперёд, ощупывая воздух короткими, экономными жестами, и в этой экономности было что-то, отчего сразу становилось ясно — слепота эта не следствие несчастья, а давняя, обжитая привычка, форма существования, к которой тело приспособилось так же естественно, как приспосабливается к хромоте или к глухому уху.

Ей было, по документам, которые мы найдём позже, пятьдесят с небольшим. Выглядела она на все семьдесят пять, а то и больше: кожа сухая, пергаментная, свисающая с костей так, точно её владелица долгие годы недоедала не столько пищи, сколько дневного света. Волосы — редкие, седые, собранные в подобие узла на затылке чьей-то не особенно

умелой рукой, возможно, её же собственной. Ногти на пальцах рук были длинными, желтоватыми, загнутыми внутрь, как у людей, годами не притрагивавшихся к ножницам, — и первое, что бросилось мне в глаза, когда она протянула руку, ощупывая косяк, было именно это: ногти не человека, а какого-то другого, менее заботящегося о себе существа, донашивающего человеческое тело как случайно доставшуюся одежду.

Впустив нас, она тут же вернулась к тому, чем, по всей видимости, занималась и до нашего прихода: подбирала с пола рассыпанные листы бумаги и связывала их в аккуратные пачки бечёвкой, отрезки которой, судя по обилию, хранились у неё где-то под рукой в промышленных, я бы сказал, количествах.

— Здравствуйте, — сказал я. — Меня зовут Дмитрий Аркадьевич, я врач.

Она не подняла головы — куда ей было поднимать голову под повязкой, — но кивнула, коротко, вежливо, как кивают малознакомому соседу по лестничной клетке, столкнувшись с ним у мусоропровода.

— Здравствуйте, — сказала она. Голос у неё оказался неожиданно молодым — на десятилетия моложе тела, из которого исходил, — почти девичий, с той чистой, незатёртой интонацией, какая бывает у людей, много читающих вслух, но крайне мало говорящих с живыми собеседниками. В этом несоответствии между голосом и телом было что-то, отчего

у меня, помню, по спине прошёл первый, ещё не осознанный холодок. — Извините за беспорядок. Всё перевернули, пока выносили.

Она сказала это тем же тоном, каким говорят о перевёрнутой вазе или упавшей полке, — тоном человека, для которого произошедшее в этой квартире два месяца назад и произошедшее сегодня утром принадлежат к одному и тому же, вполне заурядному разряду бытовых неурядиц.

III. Архив

Квартира была трёхкомнатной, обставленной той советской мебелью, что переживает не то что владельцев, а, кажется, саму историческую эпоху, их породившую, — сервант с гнутыми ножками, продавленный диван, круглый стол под клеёнкой в застарелых прожжённых пятнах от сигарет. Но обстановка терялась, почти не читалась за тем, что действительно заполняло квартиру, — за бумагой.

Она была повсюду. Пачки, перевязанные бечёвкой, толщиной сантиметров в пятьдесят каждая, стояли одна на другой у всех стен, точно кирпичная кладка, — местами доходя до потолка, местами клонясь набок под собственной тяжестью, придерживаемые лишь соседними такими же башнями. Ещё больше бумаги было в шкафах, дверцы которых стояли распахнутыми — то ли их не потрудились закрыть при обыске, то ли, что показалось мне вероятнее, глядя на утрамбованные, топорщащиеся во все стороны листы, закрыть их было уже физически невозможно.

Проходя вдоль одной из таких стен-башен, я обратил внимание на ещё одну деталь, которую поначалу принял за игру света: каждая пачка была снабжена ярлычком — обрывком другого листа, вложенным между бечёвкой и бумагой, — и на каждом ярлычке от руки была выведена дата. Не год, а именно полная дата, вплоть до дня недели. Я насчитал в

одной только этой комнате пачки за три десятка различных лет, идущие по стенам не хаотично, а строго хронологически, слева направо, точно кто-то на протяжении полувека вёл летопись, из которой давно исчезли всякие внешние события, оставив только один, бесконечно повторяющийся мотив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.